

Павел Мелехин

* * *

За селом так пустынно, как после дождя,
И темнеют кусты как в засаде.
Отчего это дети, домой не идя,
Плачут чаще всего на закате?

Оттого ли, что за день устали они,
А расти еще долго-предолго,
Оттого ли, что плакать вдали от родни
Можно даже совсем без предлога?

А кругом еще зелено, и в стороне
Сам закат ничего, кроме жара, не значит
Просто так плачут дети на старом гумне,
Просто так хорошо они плачут.

* * *

Завидую русским крестьянкам,
Как первым по многим трудам,
Встающим всегда спозаранку
К ометам, печам и стадам.

В отличие от праздных безмерно,
Внутримагазинных придир,
Их руки — тугие безмены —
Давно уже взвесили мир.

Не им изменило терпенье,
Не им достается легко

Сквозь выдубленные трехперстыя
Продоенное молоко.

Завидую русским крестьянкам,
Хрустальным глубинам в очах.
И их представленьям кустарным
О сложных довольно вещах.

Колодец замшелый обступят,
Ладонями вал тормозя,
И сны, что приснились, обсудят —
Без этого тоже нельзя.

Отгадки у них со середины
Картин, что возникли в тиши:
Кровь, — значит, встречаться с родными,
А лошадь — так это ко лжи.

И все так наивно и мудро,
Без злобы и страхов в груди.
Повадка такая, как будто
Бессмертье у них впереди.

Александр Голубев

В СТАРОМ ВОРОНЕЖЕ

Пучеглазый мужик на площади
бил жену кулаками всласть.
Пахло дегтем, храпели лошади,
тычась мордами в коновязь.

От хмельного слегка икая,
он угрюмо кипел лицом:
«Люди добрые, тварь такая...
Нонче утром пристиг с купцом».

А она — в золотинках пота,
озирала толпу в упор,
и искала вокруг кого-то,
кто бы этот унял позор.

И когда паренек в поддевке,
что на рынок щеглов принес,
вдруг наотмашь заехал ловко
мужу грозному в рыхлый нос —
поднялась она и без слова,
мимо лошади без седла —
непокорную сраму голову
к тихой улочке понесла.

Шла побитая и босая
мимо дворников и господ,
шла, как пьяная, спотыкаясь,
и смотрел на нее народ.

А у парня в железной клетке,
грустно крылья поджав свои,
на сухой, подневольной ветке
пел щегол о большой любви.

* * *

Вьется стежка под бугор,
до колодца вьется.
Это чей там разговор,
это кто смеется?

Вижу, Настенька идет,
Настенька Матвевна.
Гляньте, как себя несет,
что твоя царевна.

Дужки звонкие скрипят,
коромысло —
солнце.

Уронила Настя взгляд
на мое оконце.

Я не байки вам пою,
где меня ни спросят —
ни в каком другом краю
воду так не носят.

Анатолий Ионкин

ПЕСОК

Я о войне рассказами напичкан,
из уст чужих узнал о ней сполна,
а сам я помню
лишь одну страничку,
из этой книги горестной — Война.

...Мамон горел.
И слева был, и справа
кромешный ад.
Земля — на шраме шрам.
Понтонная трещала переправа,
открытая всем бомбам и ветрам.

Вздыхалась вверх, шипя,
вода донская.
Затишья миг — и снова крик:
«Летят!»
Из цепких рук меня не выпуская,
бежала мать куда глаза глядят.

Казался мне игрушкой заводною
скакавший в небе
солнца черный круг.
Вдруг он померк —
и я взрывной волною
из материнских выброшен был рук.

Очнулся рядом с дымною воронкой,
лежал, закрыв ладошкой висок,
и на моих запекшихся зубенках
хрустел горячий приторный песок.

А самолеты снова заходили,
двоились их крестатые хвосты.
Схватив меня,
смежив глаза от пыли
и обезумев,
мать ползла в кусты.

Вздыхался, пенясь, Дон у переправы.
Был мир одет в багровые тона.
Крушила камни и ломала травы
еще одна воздушная волна...

Стал забывать я пройденное мною,
живя на мирных весях и хлебах.
Но тот песок, помеченный войною,
хрустит поныне на моих зубах.

Галина Умывакина

ПЛАТЬЕ АХМАТОВОЙ

*На фотографиях 1940 г. и 1946 г.
А.А. Ахматова в одном и том же платье.*

Сносилось, истлело,
забыло уже
про гибкое тело,
про голос и жест.

И корпией ветхой
пришлось ему стать,
чтоб века прорехи
и боль бинтовать.

2

Петербуржскую красавицу,
плакальщицу Ленинградскую
позови — и враз представится
стать прямая, доля лядская.

Поминальщица, печальница,
сострадалица, верижница —
для читателя. Начальничкам —
пакостница, чернокнижница.

Но, сколь свору ни науськивай,
калачом сколь ни заманивай, —
не носившая холуйского
ни наряда, ни прозвания.

3

Быть с народом — без изъятья:
и душой, и телом — всем.
И семь лет все в том же платье...
Или, может, семью семь?!

Где узнать, каким аршином
мерить, в годы вперив зрак,
как из душ тянули жилы
войны, казни, голод, страх?

Горький хлеб беды искрошен,
счастья разлито вино...
А вот платье то, в горошек,
знать, сменить не суждено

той, чья выть — во время татье
Анной быть всея Руси
и одно и то же платье,
словно вретище, носить.

Олег Шевченко

1946

Память!
Обретешь ли выраженье?
Вот он снова
встал передо мной —

первый год
эпохи возрождения,
мой заветный год —
сорок шестой.

Солнце жарит.
Тащится телега.
На телеге —
женщина с кнутом.
Далеко ей нынче до ночлега,
за телегой пыль стоит столбом.

Утомилась баба от вожженья
и пешочком —
за телегой той...
Первый год
эпохи возрождения,
мой заветный год —
сорок шестой.

Баба — с возу.
Легче ли кобыле,
коли воз
давно без мужика,
коли мужика того
убили
почитай что в средние века?

* * *

Я приду в этот дворик церковный
без друзей, без жены, без подруг.
Здесь покорно синееет цикорий
да летит с одуванчиков пух.

Я не стану гадать на ромашке,
что приткнулась к ограде худой,
и, стыдясь, отвернусь от монашки,
той, что павой плывет предо мной.

Дух иному желанию вторит,
сердца тропы иные торит,
коль явились минуты, которых
память более не повторит.

Да и сам я не знаю, откуда
вдруг — явилось незванно ко мне
ожиданье внезапного чуда
на краю,
на изножье,
на дне.

Старость, старость,
помедли хоть малость,
оказать себе милость вели,
чтоб во мне неизбывно осталась
предрассветная юность земли.

Людмила Бахарева

* * *

А в этих красных фолиантах,
где все Герои СССР,
всех больше — старших лейтенантов,
всем прочим званиям в пример.
Как жалко молодости их,
сгоревших в небе или в поле!
И даже самый лучший стих
не передаст последней боли.

На первых месяцах войны
отец погиб, не став Героем.
В том вовсе нет его вины, —
наверно, так уж мир устроен.
Он не был обойден талантом,
он жил, как все, мечту тая.
Но был он старшим лейтенантом.
В том гордость тихая моя.

* * *

Ах, как вкусно звучат под ногами
травы росные по утрам!
И душа — как будто нагая:
ни комедий тебе, ни драм.

А потом в автобусе мчусь я,
молчаливая, у окна.
И какое-то новое чувство
порождает моя тишина.

Пролетаю сосняк и осинник —
этот русский пейзаж без прикрас.
И глаза холодеют от синих,
от чужих непростившихся глаз.